

И. Краузе

КАНТ И ЕГО ВРЕМЯ:
ТРАКТАТ
«К ВЕЧНОМУ МИРУ»
НА ФОНЕ ФРАНЦУЗСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ
И ПОСЛЕДУЮЩИХ ВОЙН

Рассматривается событийный и идейный контекст создания трактата «К вечному миру» и ближайших откликов на него. В центре внимания возражения Канту от его ученика Фридриха Генца, прошедшего путь от сторонника до оппонента своего учителя. В заключение сделана попытка представить вероятный отклик обоих философов на современные реалии международной политики.

This article considers the events and ideas that served as a background to the creation of the essay Towards Perpetual Peace, as well as the earliest reviews of it. The author pays special attention to the objections voiced by Kant's student Friedrich Gentz who turned from the advocate of his teacher's ideas into his opponent. The conclusion offers an attempt to envisage the philosophers' reactions to the current state of international politics.

Ключевые слова: Кант, Генц, вечный мир, демократическая война, республика, Великая французская революция, международные организации.

Key words: Kant, Gentz, perpetual peace, democratic war, republic, French Revolutionary Wars, international organizations.

Трактат «К вечному миру» сегодня одно из самых известных и наиболее часто цитируемых сочинений Иммануила Канта. Он называется среди важнейших политико-философских работ великого кёнигсбергского мыслителя. Кант воплотил в этом сочинении свои мысли о философии и этике в более или менее конкретных рекомендациях. Однако этот кантовский трактат долгое время находился в тени и считался нереалистичным. И лишь в 80-х и 90-х годах XX столетия возобновилась оживленная дискуссия вокруг него, которая была инициирована статьей американского политолога Майкла Дойля [7; 8], а также 200-летней годовщиной со времени публикации этого сочинения в 1995–1996 годах.

Исследователи почти не задавались вопросом о причинах многолетнего забвения этого сочинения. Кант составлял долгосрочный проект, и если бы он еще жил сегодня, то, вероятно, переписал бы свой трактат уже много раз, внося необхо-

димые корректировки в теорию, чтобы она соответствовала реальности. У разных авторов можно встретить анализ трактата в его историческом контексте, но в большинстве своем он предпринимался ими лишь попутно и выполнялся поверхностно. Хотя и описана связь этого текста с другими философскими трудами Канта, но по поводу исторических обстоятельств, проявляющихся в тексте трактата «К вечному миру», можно встретить лишь курсорный обзор. К тому же очень избирательно представлены при этом другие значимые сочинения о мире того времени, изданные как до, так и вскоре после кантовской работы. Неосвещенными остаются, например, соответствующие труды Монтескье, Пэйна или Генца. Цель данной статьи — углубленное рассмотрение исторического событийного и идейного контекста. Автор не философ, а политолог и социолог, изучающий конкретную полемику в контексте политического и социального развития вокруг трактата Канта. Поэтому методология, примененная в данной статье, — иная, нежели в философских рассуждениях. В ней будут подняты следующие вопросы.

1. Какие предшествующие политические и интеллектуальные дебаты затронул Кант в трактате «К вечному миру», и какой вклад он сам внес в продолжение этих дебатов? Сюда же относится и вопрос: какие обстоятельства побудили его опубликовать трактат «К вечному миру» именно в 1795 году?

2. Какой отклик нашли размышления Канта в академических и политических дискуссиях его времени? Как это отразилось на политическом применении мирной теории Канта? По этому вопросу будет приведена, прежде всего, критика проекта Канта его современником Фридрихом Генцем, а также показано, по каким причинам Кант в XIX столетии был предан забвению.

3. Наконец, будет поставлен вопрос о том, какое значение имеет предлагаемая здесь точка зрения на трактат Канта «К вечному миру» для анализа современных тенденций развития и мирной проблематики в целом.

Кант изображается сегодня многими авторами как первый и важнейший из философов, затронувших тему мира. Типичным в этом смысле может служить следующее изречение Гайсмана: «Стоя на высоких плечах Гоббса и Руссо, обозревал поборник права Кант необозримую страну свободы и мира, ясные контуры которой, едва обозначившись, исчезли в тумане мировоззрений XIX столетия» [10, S. 189].

Это возвеличивание сопровождается, как правило, попыткой использовать Канта в качестве главного источника аргументов в сегодняшних дискуссиях. К нему часто апеллируют как к *первому борцу за международное право*, и в таком качестве на него претендуют самые разные «школы» политической науки. Другие видят в Канте, прежде всего, первого *теоретика демократического мира*. Все эти предвзятые характеристики были бы ему, наверное, не очень приятны? Трактат «К вечному миру» повествует не только о международном праве и не только о демократическом мире — он имеет в виду оба аспекта и содержит попытку истолковать их именно как комбинацию обеих идей.

Тенденция к возвеличиванию этого сочинения и его автора и сопутствующей этому инструментализации (для научных и политических дискуссий) ни в коем случае не является спецификой сегодняшнего дня. Во время Первой мировой войны трактат неоднократно использовался для обоснования военных намерений Германии [13], а во времена Веймарской рес-

публики — для обоснования критики мирного Версальского договора [17]. Он использовался критиками американского вторжения в Ирак весной 2003 года как доказательство ошибочности поведения администрации Буша [16, С. 3]. И напротив, Кант приводился в качестве примера далекого от реальности идеалиста американскими неоконсерваторами. Но ни одну из этих характеристик нельзя назвать справедливой по отношению к Канту.

1. Полемика просветителей о вечном мире в XVIII веке

Сохранение мира было для Канта темой *прикладного Просвещения*. Отсюда следует, что мирный трактат должен читаться иначе, чем его критические сочинения. Кант был философом Просвещения, и для него просвещение означало выход человека из состояния несовершеннолетия, в котором виноват он сам. Просвещение было для Канта перманентным, вполне диалектически понимаемым процессом, при котором благие идеи сталкиваются с реальной действительностью, и они либо терпят поражение, либо развиваются дальше. Поэтому любое серьезное изучение трактата «К вечному миру» рекомендуется начинать с установления его исторического контекста. Я попытаюсь его раскрыть с помощью следующих вопросов: каковы были дискурсивные и конкретно-исторические условия, на фоне которых следует рассматривать это сочинение? Какой конкретный вклад Кант хотел внести своим сочинением в решение существовавших в то время проблем? Каким образом это сочинение способствовало продвижению в решении проблем мира? Необходимо также спросить, какой критике оно было подвергнуто и насколько справедливой она была. Свои ответы на эти вопросы я обобщаю в следующих восьми пунктах.

1. *В противоположность широко распространенному сегодня среди кантоведов мнению, сочинение Канта «К вечному миру» ни в коей мере не представляет собой начало философского осмысления проблем войны и мира Нового времени, а является продолжением оживленных интеллектуальных и политических дебатов XVIII столетия на эту тему на фоне Французской революции.*

Трактат «К вечному миру» содержит не так уж много нового. В основном Кант оперирует аргументами философов XVIII века. Новой была у Канта лишь систематизация. Вопреки частому заблуждению, XVIII век характеризуется рядом сочинений по проблемам мира, принадлежащих отчасти перу известных философов (Монтескье, Руссо, Вольтер), отчасти писателей и других авторов [1; 2]. Эти дискуссии еще мало влияли на большую политику, однако процессы взаимного влияния, несомненно, были. В то время существовало три главных направления мысли: *теория равновесия, требование образования союза государств* и тезис, согласно которому мир между монархиями невозможен, потому что только *республики способны сохранять мир*. Теория сохраняющего мир равновесия мало что могла дать Канту. Она считалась в конце XVIII столетия во многом преодоленной [15]. Теория необходимости союза государств была выдвинута в 1713 году аббатом Сен-Пьером в его широко известном сочинении [21]. Тезис о том, что мир можно сохранить только между республиками, был впервые выдвинут в 1748 году бароном Шарлем Луи де Монтескье в девятом томе его знаменитого сочинения «О духе законов». Обе эти теории воспринял Кант, который так же, как до него Монтескье, пытался их соединить. Монтескье писал, что

только республики могут создать союз государств, обязующихся нести ответственность за сохранение мира [19, S. 182]. Но он разделял широко распространенную в то время точку зрения, что республики могут быть созданы только на основе небольших политических объединений (главным образом городов). Это сужало возможности установления вечного мира и было похоже на коалицию проигравших.

2. Сочинение Канта «К вечному миру» вышло в 1795 г., т. е. к тому времени, когда обрисованная Монтескье перспектива достижения республиканского мира встала на повестку дня с новой остротой в ходе развития Французской революции.

С основанием республики в рамках территориального государства (и прежде всего в самом влиятельном государстве Европы) Кант связывал надежду на то, что дилемма, сформулированная Монтескье (что вернее всего сохраняют мир республики, но республиканскую форму правления можно установить на длительное время только в городе-государстве), теперь может быть разрешена и что республик может стать больше. Одновременная трансформация Соединенных Штатов Америки в одну большую республику, казалось, подтверждает это ожидание. Тем самым открывалась перспектива радикального, положительного изменения межгосударственных отношений [3, S. 140]. Правда, сочинение Канта проникнуто не только оптимизмом, но и пессимизмом. На то была причина: республиканское равнинное государство Франция, вопреки ожиданиям многих просветителей, было никак не миролюбивым. Кант осознавал эту проблему, но не хотел делать из нее выводы в том же направлении, что Эдмунд Бёрк. Последний уже в 1790 году утверждал, что во Французской революции, которая считалась воплощением учения просветителей, что-то пошло в совершенно неверном направлении [4]. С критикой Бёрка, которая нашла живой отклик и в Германии, связывалась, с точки зрения Канта, опасность, что проект Просвещения в целом может оказаться под вопросом. Сочинение Канта «К вечному миру» следует в этой ситуации рассматривать как попытку уберечь главные идеи Просвещения о мире от затягивания в поток критики, связанной с неудачей Французской революции. Одновременно он сделал попытку с помощью этого сочинения приспособить идеи Просвещения о прочном мире к изменившимся политическим условиям и подверг критике некоторые аспекты французской политики. Если подойти к этому сочинению с такой точки зрения, то систематика и общий контекст этого труда раскроются иначе, чем у большинства интерпретаторов Канта.

Кант повторяет в первых двух статьях, содержащих определения, по существу то, что наработали Монтескье и аббат Сен-Пьер. Как и Сен-Пьер, он исходит из того, что государства должны обсуждать свои проблемы между собой и решать их дипломатическим путем или с помощью привлечения мнения большинства. Для этого необходимо создать союз государств. Кант считал, как и Монтескье, Вольтер, Руссо или Пэйн (Paine), что союз государств лишь тогда может реализоваться, когда будут упразднены монархии и останутся только республики. Кант аргументировал это тем, что республики окажутся миролюбивей, чем монархии, так как в них вопросы мира и войны станут решать люди, которые затем будут вынуждены переживать все последствия войны. Как предварительными статьями, так и третьей окончательной статьей он хотел показать, что недостаточно основывать мир только на существовании республик и союзе государств, что обязательно должна быть этика мира. После ознакомления с предварительными статьями становится ясно, что они все имеют отношение к са-

мым насущным проблемам его времени и что с их помощью Кант косвенно критикует Францию. Правда, ответ на вопрос, каков был эффект от его сочинения в то время, разочаровывает.

Первая предварительная статья гласит, что никакой мирный договор не может считаться таковым, если он заключается с той целью, чтобы затем его нарушить [АА, VIII, S. 343]. Эта формулировка отражает озабоченность Канта тем, что недавно заключенный в Базеле в апреле 1795 года мир между Пруссией и Францией долго не продержится. Это было мудрое наблюдение, и совет диктовался благими намерениями. Но в последующие годы республиканская Франция оказалась намного агрессивней, чем монархии того времени, а французы стремились к контролю над чужими территориями иногда даже с большим рвением, чем феодальные властители. Это найдет свое подтверждение, прежде всего, во время правления Наполеона.

В свете вышеуказанной проблемы следует рассматривать также *вторую предварительную статью*, согласно которой ни одна страна не может завладеть другой путем наследования, обмена, купли или дарения [АА, VIII, S. 344]. Это требование было сформулировано аббатом Сен-Пьером уже в 1713 году. Но у Канта оно связано с отчетливо звучащей критикой произошедшего незадолго до этого раздела Польши между Пруссией, Австрией и Россией. Также имелся в виду, вероятно, и Базельский мирный договор, согласно которому Франция получила всю левобережную территорию Рейна, не спросив мнения коренного населения этой области.

Третья предварительная статья содержала требование упразднения регулярных армий [АА, VIII, S. 345]. И здесь Кант использует идеи аббата Сен-Пьера. В действительности эта статья представляет собой критику воинской повинности во Франции. Массовый набор рекрутов и связанное с ним длительное пребывание многочисленной армии в состоянии боевой готовности, вначале оправданные трудностями нового государства, впоследствии нарушили баланс военных сил в Европе и способствовали возникновению у Французской республики новых захватнических планов. Армии других государств были профессиональными, что приводило к тому, что эти армии имели меньшую численность, а солдаты меньшую мотивированность, чем солдаты Франции. Кант осознал эту проблему и хотел решить ее нормативным путем, потребовав, чтобы в мире государств с республиканским устройством не содержались регулярные армии. Это был совет Французской республике стать осмотрительнее и благоразумнее, прежде всего ввиду того, что, по его ожиданиям, в новой ситуации в Европе должно появляться всё больше и больше республик. Но эти рекомендации не возымели должного действия. Как оказалось, после 1795 года потенциал Франции по массовому набору рекрутов только набрал полную силу, и вдобавок все больше стали вербоваться мужчины из других стран.

Четвертая прелиминарная статья содержала требование, по которому запрещалось брать займы для внешнеполитических, и прежде всего военных, дел [АА, VIII, S. 345]. Это была действительно новая идея. В Великобритании и континентальных европейских странах (к сожалению, и во Франции) стало нормой финансировать войны путем выпуска займов. Чем дольше длились войны, тем больше росли долги и тем сильнее великие державы стремились к тому, чтобы с целью погашения долгов аннексировать меньшие страны, что с необходимостью приводило к новой войне.

Но и это требование Канта осталось без ответа, и при Наполеоне всё стало еще хуже. При нем войны финансировались с помощью долгов, которые частично возвращались из добычи в следующей войне. Опасность постоянного пребывания в состоянии войны Кант хорошо видел, хотя он и не был знаком с методами Наполеона.

Пятая предварительная статья также основана на сочинении аббата Сен-Пьера 1713 года и содержала критику политики республиканской Франции. Кант требовал, чтобы ни одно государство не было вправе вмешиваться в политическое устройство и внутреннюю политику другого государства [AA, VIII, S. 346]. В то время, когда Национальное собрание Франции открыто призывало к свержению правительств других стран — будь то с помощью революции или с помощью интервенции, — это требование было смелым заявлением, которое разделялось не всеми современниками Канта. Но и это требование осталось в последующие годы без внимания. Во время правления Наполеона в континентальной Европе был только один центр власти, и он вмешивался в дела каждой отдельной взятой страны.

Шестая предварительная статья касалась не столько Франции, сколько всех правительств. В ней содержалось требование, чтобы ни одно государство во время войны не позволяло себе таких враждебных действий, которые делали бы в последующем невозможным заключение мира. К ним он причислял засылку «убийц из-за угла (percussores), отравителей (venefici), нарушение условий капитуляции» и т.п. [AA, VIII, S. 346]. Эта мысль также не была чем-то новым, она вполне естественна, и ее находят позднее в трудах Клаузевица [5, Bd 3, S. 116].

Среди *окончательных статей*, образующих ядро трактата Канта «К вечному миру», новым стало только требование права гражданина мира на посещение с дружеским визитом любой другой страны. Эту статью следует рассматривать в связи с отходом Канта от идеи всемирного господства. До Французской революции он, по крайней мере в принципе, разделял идею мирового государства, потому что оно могло ограничить власть монархий. Революция открывала ему перспективу того, что не только Франция, но и другие страны Европы могут стать республиками. Это ставило вопрос не о мировом государстве, а о совместном существовании республик. Для него и было задумано право на посещение. Каждый человек в мире должен иметь право на невраждебное к себе отношение. Это право на визит содержало также критику (скорее, однако, косвенную) колониальной политики европейских государств и удержания революционной Францией своих заокеанских владений и сохранения практиковавшегося там рабства. Кант рассматривал право на дружественный визит в том смысле, что нельзя вести себя в чужих странах как завоеватель.

То, что установление нормативных требований не сможет оказать в короткий срок влияния на динамику развития Французской республики, Кант, по-видимому, осознавал. Он делал ставку на средний и длительный срок воздействия своих идей. В обоих *Добавлениях* он дал этому свое объяснение. Оно сводится к тому, что кантовская этика будет реализована лишь со временем как «глубоко скрытая мудрость высшей причины, предопределяющей этот обычный ход вещей и направленной на объективную конечную цель человеческого рода» [AA, VIII, S. 361], называемой провидением.

2. Критика Канта и политическая реальность начала XIX века

3. *Надежды и ожидания Канта не сбылись. Хотя во Франции трактат был встречен положительно, в политической реальности между 1795 и 1817 годами события развивались совсем иначе, чем этого ожидал Кант.*

Не сбылись ни большие ожидания от Франции, ни надежды на образование других независимых республик. Более того, после 1795 года появлялось все больше признаков того, что республиканская Франция стала движущей силой дальнейших военных авантюр. В 1799 году закончился французский демократический эксперимент, власть перешла к энергичному и властолюбивому генералу — Наполеону Бонапарту. Он провозгласил себя в 1804 году императором Франции, растратил себя и свою страну в военных кампаниях, следовавших одна за другой. Развязанные Наполеоном войны унесли около четырех с половиной миллионов жизней, намного больше, чем все монархические кабинетные войны XVIII столетия вместе взятые. Причиной этому стало следующее: Наполеон желал полностью побеждать своих противников, а не только создавать условия для благоприятного исхода переговоров. Не хотел он довольствоваться и половинчатыми решениями. При нем вновь стало общепринятым, что находящееся в походе войско «обслуживало» себя за счет территории, как выражались в то время. Это означало, что населена чужих стран — как некогда во времена Тридцатилетней войны — беспрепятственно грабилось солдатами Наполеона. До этого государи Европы придерживались негласного правила не затевать военных походов за счет грабежа гражданского населения, а создавать для своих войск логистическое обеспечение. Этот небольшой цивилизационный прогресс отошел в прошлое, ибо он стоял на пути планов Наполеона создавать огромные армии, с помощью которых он мог побеждать своих противников. Наполеон продолжал грабить завоеванные территории вплоть до 1813 года, когда, ослабленный в результате вторжения в Россию, он в 1814-м, а затем и в 1815 году потерпел сокрушительное поражение.

4. *Именно ученик и бывший сторонник Канта Фридрих Генц стал тем, кто восполнил слабые места Кантовых размышлений (особенно идею республиканского мира) и создал теорию демократической войны, которая имела гораздо большее значение для объяснения политики в начале XIX столетия, чем теория Канта.*

Генц показал, что революция приводит к релятивизму всех ценностей и к господству откровенного насилия. «Французская революция, — писал Генц, — возвысила власть военных над всеми другими и привела к состоянию, в котором только меч определяет судьбы народа» [11, S. 495]. Но это еще не всё: Французская республика показала, что связанные с ней идеи свободы и национализма породили совершенно новые перспективы подготовки войны и возможности ее проведения. Люди, говорит Генц, готовы ради идеалов свободы и нации совершить намного больше актов насилия — и даже гораздо более ужасных актов, чем во времена кабинетных войн. Войны стали ожесточеннее и бесчеловечнее, но при этом они теперь не приводили к быстрому истощению сил (как это регулярно происходило с монархиями). По наблюдениям Генца, чем дольше революционная Франция находилась в состоянии войны, тем больше она была способна мобилизовать дополнительные силы для ее продолжения. Вместо истощения военной силы происходило многократное ее увеличение [11, S. 496]. Кроме того, он отмечает огрубление нравов, «дерзкую безнравственность», которая приводит к совершению необычайных жестокостей [12, S. 214–216]. Можно было предвидеть, что этим духом «заразятся» и другие народы, и тем самым война приобретет новые масштабы: из инструмента кабинетной

политики, который использовался мало и к тому же, как правило, осторожно и сдержанно, возникнет новая форма организованного насилия, при которой мобилизуются все силы нации, ибо насилие только в ходе войны и достигает своих максимальных проявлений. В масштабах всей Европы это означает, что если другие страны последуют французскому примеру, то дело может дойти до продолжительной и разрушительной войны.

5. Взгляды Канта и Генца следует признать близкими во многих случаях, однако они расходились в вопросе о миролюбии республик.

Оба считали главным то, чтобы государства в своих отношениях друг с другом проявляли сдержанность и миролюбие. Оба выступали за предотвращение войн и оба исходили из того, что внутреннее устройство государств влияет на то, как они ведут себя — мирно или воинственно. Кант рассматривал создание республик как лучшую гарантию сохранения мира; Генц видел всё совершенно иначе.

6. Первая мировая война стала демократической войной и подтвердила все опасения Генца, а теория демократического мира Канта была предана забвению.

Ожесточенная решимость европейских государств бороться всякий раз за единственное правое дело и выдерживать эту борьбу до полного истощения привела к войне, в результате которой погибли более 10 млн человек. Первая мировая война была войной, которая началась, несмотря на наличие институционных демократических инструментов контроля и права народа на соучастие в принятии решений. Наиболее ярко это проявилось в Германском рейхе, который, не обладая достаточными налоговыми поступлениями, чтобы финансировать войну, сразу вынужден был взять кредиты. Не только то, что Рейхстаг решительно одобрил взятие кредита для военных целей, но и готовность населения одобрить заем в большом размере стали, наряду со всеобщей военной эйфорией, явным признаком того, что демократические институты, или право граждан участвовать в принятии решений, ни в коей мере не способствуют снижению готовности к войне. Напротив, начавшаяся в 1914 г. война оказалась, по крайней мере в Германии, весьма желанной, да и в других странах ситуация не намного отличалась. Первая мировая война была демократической войной, которая свела тезис Канта и других философов о республиканском мире к абсурду. К тому времени самая ужасная и кровопролитная война в истории человечества подтвердила все опасения Генца. И только Вторая мировая война, в определенном смысле продолжавшая Первую, превзошла ее.

3. Какое значение трактат Канта «К вечному миру» имеет сегодня?

7. Лишь новая эпоха, наступившая после Второй мировой войны, принесла с собой принципиальную переменную в обращении демократических национальных государств Европы к проблеме мира.

Это стало следствием не столько возврата к идеям Канта, сколько, прежде всего, результатом масштабной активности США в оживлении мировой экономики и связанного с этим учреждения международных организаций и поддержки демократии. И то, что при этом были возрождены мысли, восходящие к идеям XVIII столетия (чему способствовал и Кант), обязано соответствующим традициям в США. Кроме того, следует признать, что создание социального государства и возможностей свободной торговли после Второй мировой войны предоставило невиданные доселе возможности, приведшие к «умиротворению» населения стран Запада: лишь с начала 50-х годов XX века наступает то самое общественное и политическое упо-

коение, которое привело к смене парадигмы во внешней и оборонной политике. Теоретическое обоснование того, каким образом следует повлиять на демократические государства с тем, чтобы они стали стабильней и миролюбивей — как в отношениях между собой, так и с другими, — ни Генц, ни Кант не предъявили. Лишь такие мыслители, как Гегель, Лоренц фон Штейн [23] или Джон Стюарт Милль в XIX столетии и Макс Вебер, Иозеф Шумпетер [22], Джон Мейнард Кейнс, Гарольд Ласки и Вильям Беверидж в XX веке заложили основы дифференцированного подхода к понятию стабильности (а тем самым и легитимности, а следовательно, миролюбивости) демократий, при котором основополагающую роль играют материальное положение широких масс, вопросы социального расслоения и мобильности.

8. Современным положением вещей как Кант, так и Генц были бы довольны, если бы они жили сейчас.

Кто из них сегодня больше прав — Кант или Генц? Об этом можно спорить. Для Европы всего XIX столетия и периода, по крайней мере, до Первой мировой войны прав был Генц, а Кант был не прав. Но начиная с 1950-х годов все меняется. Сегодня существует мир между демократическими государствами Европы, и он подтверждает тезис Канта о том, что только республиканский мир является продолжительным. В пользу Канта говорит то, что многие из его утопий сегодня стали реальностью. В пользу Генца — то, что он указал на проблемы, которые в то время стояли на пути реализации Кантовых утопий и на которые Кант великодушно не обращал внимания. Решающий поворот произвели те в Европе, кто лучше, чем Кант и Генц, смогли сформулировать условия для обеспечения демократической стабильности, и те в США, кто сформировал новый демократический стиль внешней политики, способствовавший осуществлению на практике добродетелей Просвещения. Ральф Дарендорф назвал однажды США страной прикладного Просвещения [6]. Так что Кант продолжает оказывать влияние — правда, скорее косвенно.

Что изменил бы сегодня Кант как философ Просвещения, который желал и для политики дать рекомендации, применимые на практике, если бы мог внести в свой трактат «К вечному миру», появившийся в 1795–1796 годах, корректировки в свете Новейшей истории? Этот мысленный эксперимент можно еще дополнить, если на равных вовлечь в него Генца.

Кант наверняка счел бы, что его базовый теоретический замысел — комбинация теории республиканского мира с теорией союза государств — оказался оправданным, даже если бы он теперь вел речь не о республиканском, а о демократическом мире. Демократии сегодня считаются более стабильными, чем не демократически организованные страны, и поэтому более миролюбивыми. Прежде всего это те демократии, которые создали международные организации и своим активным участием делают возможным их функционирование. С этим согласился бы и Генц, поскольку для него было важно, чтобы правительства придержались широких основ легитимации, заботились прежде всего об экономических проблемах, а внешнеполитические вопросы решали мирно и цивилизованно. Сегодня это имеет место в демократических государствах. Однако Кант признал бы, что не только демократические институты заботятся о том, чтобы страны вели себя мирно и разумно. Он бы добавил: эти государства достигают своего внутреннего покоя тем, что выравнивают социальное расслоение или хотя бы делают его относительным.

Наряду с этим, анализ разногласия между Кантом и Генцем сегодня можно сделать очень результативным для дискуссий о демократизации в условиях отстающего развития и сильной социально-политической слоенности. И сейчас по-прежнему демократия не ведет с необходимостью к миролюбию, если демократическая система не уравновешена и большие группы населения фактически исключены из нее [18]. И Кант, и Генц согласились бы с тем, что как раз во многих новых государствах за пределами Европы не удается решить уравнение, согласно которому демократические условия равнозначны росту миролюбия. Так, с началом «арабской весны» в 2011 году обнаружилось многочисленное сходство с ситуацией в Европе XIX столетия, которые заслуживали внимания. Но разошлись бы мыслители в оценке долгосрочных перспектив — Канту они бы виделись позитивнее, чем Генцу.

Что касается значения международных организаций, то вполне в духе Канта можно сказать, что они сегодня содействуют тому, что международные и трансграничные проблемы решались при их участии. Кант точно приветствовал бы и то, что в этих процессах растет роль негосударственных институтов и организаций (Global Governance¹). Это полностью соответствует его пониманию мирового гражданства. Также Кант, а Генц особенно, задали бы вопрос о том, что в конкретных случаях ведет к успешности или безуспешности действий международных организаций или системы мирового правительства. Становится ясным, что эффективная международная кооперация базируется не на одном только создании институтов. Генц, вероятно, подчеркнул бы этот пункт больше, чем Кант.

Что касается окончательной статьи о всемирном гостеприимстве, то Кант мог бы с удовлетворением констатировать, что демократически организованные государства воплотили его предложения более или менее полно. Особенно он был бы рад свободе передвижения в сегодняшней Европе и наверняка обронил бы парочку критических замечаний о растянутых и отчасти унижительных процедурах, которые все еще приходится терпеть при въезде во многие страны.

Относительно предварительных статей: *первой статьи* («Ни один мирный договор не должен считаться таковым, если при его заключении тайно сохраняется основание для будущей войны») Кант мог бы придерживаться неизменно. Генц бы с ним соглашался, но добавок спросил бы, чему можно научиться на прежних ошибках. Он бы указал на то, что демократии имели тенденцию доверять мирным договорам с диктаторами, верность которых этим договорам была сомнительной. На примере Мюнхенских соглашений 1938 года Генц поставил бы вопрос о том, чему это может научить нас на будущее.

На *второй предварительной статье* («Ни одно самостоятельное государство... не должно быть приобретено другим государством ни по наследству, ни в обмен, ни куплей, ни в виде дара») Кант бы сегодня уже упорно не настаивал, потому что эта проблема разрешилась. Вместо этого он бы, скорее, писал о переносе границ и о самоопределении народов, и его суждения по данным вопросам, вероятно, были бы очень взвешенными, так что даже Генц не стал бы их сильно оспаривать. Кант бы ориентировался в

¹ «Мировое правительство», «глобальное управление» — один из концептов в моделировании мировой политики после холодной войны, с дискуссионными теоретическими и сомнительными практическими основаниями. Яркие примеры — «Большая восьмёрка» и «Большая двадцатка» (примеч. пер.).

основном на положения Устава ООН, Хельсинкских соглашений и ДОВСЕ (Парижский договор 1990 года). Однако у них с Генцем определенно завязался бы оживленный диалог о том, как поступать в сомнительных случаях.

Третью предварительную статью («Постоянные армии должны со временем полностью исчезнуть») Кант больше не стал бы так жестко отстаивать. Однако он бы призвал к тому, чтобы действующие вооруженные силы (сегодня ведь это не только войска) структурировались и оснащались таким образом, чтобы их готовность к нападению была снижена или достигалась только после длительной подготовки. Он бы, как и Генц, с удовлетворением заметил, что в современной Европе больше не существует таких вооруженных сил, которые способны на широкомасштабные и завоевательные наступательные операции². Оба философа приветствовали бы и то, что есть организации, такие как НАТО, которые интегрируют военные аппараты входящих в них государств и тем самым предохраняют последних от новой национализации их оборонной политики.

Насчет *четвертой предварительной статьи* («Государственные долги не должны использоваться для внешнеполитических дел») Кант констатировал бы, что положение коренным образом изменилось. Последний известный пример того, что одно государство попыталось уклониться от возврата военного займа путем нападения на другое государство, датируется 1990 года, когда Ирак оккупировал Кувейт, перед которым имел большие долги, взятые для финансирования войны с Ираном, — эта авантюра оказалась для Ирака безуспешной и убыточной. В Европе и западном мире такого больше не происходит. Вместо этого все государства сегодня имеют долги другого типа, но никому не приходит мысль оплачивать их военными трофеями. Поэтому Кант снял бы это требование как выполненное. В этом согласился бы с ним и Генц.

Что касается *пятой предварительной статьи* (невмешательство во внутренние дела), то Кант мог бы удовлетвориться тем, что его представления нашли свое полнейшее воплощение в Уставе ООН. Но между ним и Генцем разразился бы горячий спор о том, как можно предотвратить те случаи, когда авторитарные государства с сомнительной внутренней легитимностью используют государственный суверенитет для того, чтобы противостоять критике совершаемых ими нарушений прав человека и преступлений против жизни. Кант, вероятно, сделал бы акцент на том, что в долгосрочной перспективе восторжествует разумное поведение; Генц не стал бы в это верить и настаивал бы на конкретных мерах демократических государств по отношению к авторитарным режимам, нарушающим права человека.

Шестая предварительная статья (отказ от жестокостей и обмана) стала бы для Канта сегодня столь же значимой, как и 215 лет назад. Правда, он и здесь, наверное, попытался бы приспособить эту статью к новым временам. Масштаб жестокостей, совершенных в политике за два столетия после опубликования трактата «К вечному миру», испугал бы его — и он придал бы особое значение прояснению предписания. В его время не было геноцида и оружия массового поражения — и Кант определенно выразил бы свое отношение к обеим этим проблемам. С Генцем возникла бы горячая полемика о том, достаточно ли только озвучить рекомендации и не требуются ли еще и определенные действия сообщества государств, чтобы га-

² Для иллюстрации — две цифры: наземные вооруженные силы Германии насчитывали несколько лет назад всего две дивизии. Вторую мировую войну немецкий Вермахт начал, имея более сотни дивизий.

рантировать, что рекомендации просветителя Иммануила Канта, столь разумно звучащие, были приняты к исполнению.

В остальном этот спор будет основан на главном противоречии между двумя философами: речь идет о вопросе, достаточно ли учредить международные институты (такие, как международное право, международные организации, международные конвенции), чтобы воплотить высокую цель Просвещения (долговременное сохранение мира), или нужно что-то еще. Кант ответил бы на этот вопрос так, что одного только создания институтов будет недостаточно, чтобы умиротворить людей. Требуется могущественная группа демократических государств, которые стабильны внутренне и возьмут на себя задачу воплотить цели Просвещения. Генц вполне согласился бы с этой точкой зрения. Он считал бы стабильные демократии нашего времени, пришедшие на смену легитимным монархиям, важнейшими факторами стабильности. Однако различия возникли бы по вопросу о том, как поступать с недемократическими или авторитарными государствами и иррациональными силами. Кант проявил бы здесь скорее большую невозмутимость и возложил бы надежды на то, что в средне- и долгосрочной перспективе восторжествует разум. Генц привел бы аргументы в пользу того, что, как показал XX век, просвещенным демократиям приходится жить в готовности принять авторитарные, тоталитарные и идеологические вызовы — иначе они погибнут, а вместе с ними и идеи Просвещения. Он бы скорее призывал к тому, чтобы еще и активно бороться с авторитарными и тоталитарными государствами и движениями, дабы гарантировать, что пламя Просвещения не угаснет.

Сопоставив эти линии аргументации, мы неизбежно оказываемся в самом центре современных дискуссий о войне и мире и о роли демократии, международных организаций, дипломатии и вооруженных сил — дискуссий о том, как обеспечить мир.

Перевод с нем. И. Д. Концева и А. С. Зильбера

Список литературы

1. *Bahner W.* Der Friedensgedanke in der Literatur der französischen Aufklärung // Grundpositionen der französischen Aufklärung / Hrsg. W. Krauss, H. Mayer. Berlin, 1965. S. 139–208.
2. *Beutin W.* Kants Schrift „Zum ewigen Frieden“ (1795) und die zeitgenössische Debatte // Hommage a Kant. Kants Schrift „Zum ewigen Frieden“. Hamburg, 1996. S. 97–126.
3. *Brandt R.* Historisch-kritische Beobachtungen zu Kants Friedensschrift // „Zum ewigen Frieden“, Grundlagen, Aktualität und Aussichten einer Idee von Immanuel Kant / Hrsg. R. Merkel, R. Wittmann. Frankfurt, 1996. S. 31–66.
4. *Burke Ed.* Reflections on the Revolution in France, and on the Proceedings in Certain Societies in London Relative to that Event. In a Letter Intended to Have Been Sent to a Gentleman in Paris. London, 1790.
5. *Clausewitz C. von.* Vom Kriege. Hinterlassene Werke über Krieg und Kriegführung des Generals Carl von Clausewitz. Dritte Auflage. Berlin, 1867. Bd. 1–3.
6. *Dahrendorf R.* Die angewandte Aufklärung. Frankfurt, 1963.
7. *Dietze A., Dietze W.* Ewiger Friede? Dokumente einer deutschen Diskussion um 1800. München, 1989.
8. *Doyle M. W.* Kant, Liberal Legacies, and Foreign Affairs // Philosophy and Public Affairs. 1983. Vol. 12, N 3. S. 205–235; 1983. N 4. S. 323–353.
9. *Doyle M. W.* Liberalism and World Politics // American Political Science Review. 1986. Vol. 80, N 4. S. 1151–1169.

10. Geismann G. Kant als Vollender von Hobbes und Rousseau // Der Staat. 1982. N 21. S. 161–189.
11. Gentz F. von. Über den Ewigen Frieden // Historisches Journal. 1800. Jg. 2, Bd 3. S. 709–790. Цит. по: Raumer, 1953. S. 461–497 (Neudruck in Friedrich Gentz. Gesammelte Schriften / Hrsg. G. Kronenbitter. Hildesheim; Zürich; N. Y., 1992. Bd 5. S. 603–682).
12. Gentz F. von. Über den Ursprung und Charakter des Krieges gegen die französische Revolution. Berlin (Neudruck in Friedrich Gentz. Gesammelte Schriften / Hrsg. G. Kronenbitter. Hildesheim; Zürich; N. Y., 1997. Bd 3).
13. Hoeres P. Kants Friedensidee in der deutschen Kriegsphilosophie des Ersten Weltkrieges // Kant-Studien. 2002. 93. Jg. S. 84–112.
14. Ikenberry G. J. After Victory. Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars. Princeton, 2001.
15. Kaerber E. Die Idee des europäischen Gleichgewichts in der publizistischen Literatur vom 16. bis zur Mitte des 18. Jahrhunderts. Berlin, 1907 (Neuaufgabe Hildesheim: Verlag Dr. H. A. Gerstenberg, 1971).
16. Kagan R. Paradise and Power. America and Europe in the New World Order. London, 2003.
17. Kater T. Forschungsbericht. Der Krieg, die Republik und der Friede: Zur Rezeption von Immanuel Kants Zum ewigen Frieden // Militarismus in Deutschland 1871 bis 1945. Zeitgenössische Analysen und Kritik / Hrsg. W. Wette. Jahrbuch für Historische Friedensforschung. 1999. Bd 8. S. 327–345.
18. Mansfield E. D., Snyder J. Democratization and the Danger of War // International Security. 1995. Vol. 20, N 2. S. 5–38.
19. Montesquieu C.-L. de Secondat, Baron de. Des l'esprit des loix. Geneve, 1748. Цит. по: Vom Geist der Gesetze / Übers. und hrsg. von E. Forsthoff. Tübingen, 1992.
20. Raumer Kurt von. Ewiger Friede. Friedensrufe und Friedensplane seit der Renaissance. Freiburg; München, 1953.
21. Saint Pierre, Abbe Castel de Charles Francois. Projet pour rendre la paix perpetuelle en Europe. Цит. по: Der Traktat vom ewigen Frieden 1713 / Hrsg. von W. Michael. Berlin, 1922.
22. Schumpeter J. Capitalism, Socialism and Democracy. N. Y., 1942.
23. Stein L. von. Die Gesellschaftslehre (1856). Erste Abteilung: Der Begriff der Gesellschaft und die Lehre von den Gesellschaftsklassen. Цит. по переизд. 1964 года (Osnabrück: Otto Zeller Verlagsbuchhandlung).

Об авторе

Йоахим Краузе – д-р полит. наук, проф., директор Института социальных наук, Кильский университет им. Кристиана Альбрехта, jkrause@aol.com

About author

Prof. Dr Joachim Krause, director of the Institute for Social Sciences, University of Kiel, jkrause@aol.com